

Цзо Хунцю поспешил вперед, чтобы протереть лицо больного белым платком, а затем сосредоточенно принялся за осмотр. Хотя состояние было немного лучше, чем два дня назад во время их первой встречи, все еще сохранялись слабые признаки серьезного недомогания.

Поскольку отравление было хроническим, организм Девятого вана уже был сильно истощен. Чтобы нейтрализовать яд и устранить последствия, требовалось длительное лечение.

— Супруг, я бы хотела съездить в город, чтобы купить вам лекарств.

— Пусть это сделают слуги.

— Мне спокойнее, когда я сама выбираю компоненты. К тому же, Зал Сотни Трав — аптека в столице известная, но если я не взгляну на товар своими глазами, на душе будет беспокойно.

Дыхание Девятого вана стало ровнее, он откинулся на спинку кресла, выглядя немного утомленным.

— Хорошо. Пусть Линь Цин сопровождает вас, так я буду спокоен.

— Благодарю вас, супруг.

Позавтракав вместе с Девятым ваном, Цзо Хунцю позвал Линь Цина:

— Господин стражник, подготовьте карету. Кучером пусть будет Дин Эр.

Линь Цин ответил согласием и удалился.

Цзо Хунцю вернулся в покои, чтобы переодеться в простую одежду, удобную для поездки. На ней было белое платье, волосы были собраны в скромный пучок. Внешне она походила на женщину из зажиточной семьи, но врожденное благородство, пронизывающее каждое её движение, невозможно было скрыть.

Цзы Хань не ожидала, что сможет покинуть резиденцию всего через два дня после прибытия, и не могла скрыть своего волнения. Все это время она вела себя крайне осторожно, но, увидев, что отношения между князем и этой двоюродной сестрой, занявшей место госпожи, сложились на удивление гармонично и опасности разоблачения нет, наконец вздохнула с облегчением.

Правда, узнав, что они едут в аптеку, а не в лавки с тканями или пудрой, она немного расстроилась.

Помогая госпоже выйти из комнаты, она увидела, что карета уже ждет у ворот внутреннего

двора.

Статный и молодой Линь Цин по-прежнему был в серо-зеленом костюме воина, с саблей у пояса. Увидев Цзо Хунцю, он поспешно открыл дверцу кареты и поставил подножку, проявив завидную внимательность.

В отличие от Цзы Хань, чьи глаза сияли при виде Линь Цина, Цзо Хунцю посмотрела на Дин Эра, который склонился в поклоне.

Кучер Дин Эр был одет в простой хлопковый халат, но выглядел опрятно и подтянуто. Его приятная внешность выделяла его среди многочисленных слуг резиденции, и неудивительно, что Линьлан была к нему неравнодушна.

Цзо Хунцю задержала на нем взгляд, а затем, повернувшись к Линь Цину, сказала:

— Поехали.

Линь Цин поскакал впереди, а карета, поскрипывая, медленно двинулась по грязным после снегопада улицам столицы.

Цзы Хань прикрыла рот рукой, хихикая:

— Кто бы мог подумать, что госпожа так печется о свадьбе служанки, что даже доверила её возлюбленному править каретой.

Цзо Хунцю спокойно ответила:

— В конце концов, это люди, приближенные к князю. Мне следует проявлять заботу, к тому же это отличный повод проверить, достоин ли этот человек её руки.

— Госпожа, а у господина стражника Линь Цина, случайно, нет жены? — после долгого колебания вдруг спросила Цзы Хань.

Цзо Хунцю моргнула и улыбнулась:

— Сян Чжуан танцует с мечом, но его мысли заняты Пэй-гуном. Столько кругов нарезала, а на самом деле это у тебя, девица, сердце забилося от любви.

— Вовсе нет, — поспешно начала отпираться Цзы Хань. — Служанка просто спросила.

Цзо Хунцю, глядя на её покрасневшее от смущения лицо, кивнула:

— Хорошо-хорошо, будет время — разузнаю для тебя.

Цзы Хань, пытаясь унять бешеный стук сердца, спрятала лицо в коленях, не смея больше смотреть в насмешливые глаза Цзо Хунцю.

В этот момент раздался оглушительный грохот, карета сильно качнулась, лошади заржали от испуга, и казалось, что экипаж вот-вот перевернется. Цзы Хань с размаху ударила головой о борт, от боли она вскрикнула, и на глазах у неё мгновенно выступили слезы.

Цзо Хунцю, застигнутая врасплох, с трудом удержала равновесие. Первой мыслью было нападение, и в её рукаве тут же оказались две серебряные иглы для акупунктуры — пусть небольшие, но в критический момент способные стать оружием.

Однако, услышав доносящиеся снаружи звуки потасовки, она выдохнула и спрятала иглы. Похоже, нападавший не был великим мастером боевых искусств, так что можно было доверить это Линь Цину.

— Увезите меня, увезите! Я хочу видеть императора, я хочу подать жалобу, я должен видеть императора!

Истошный крик, похожий на вой призрака, заставил Цзы Хань вжаться в угол. Она была бледна как полотно.

Цзо Хунцю нахмурилась и приподняла занавеску. Она увидела мужчину, от которого исходил невыносимый смрад; весь в крови, он размахивал цепями, пытаясь прорваться к карете.

Линь Цин и Дин Эр преградили ему путь. Линь Цин, видимо узнав безумца, отталкивал его ударами ног. В ходе потасовки с рук безумца слетела хлопковая рукавица, обнажив длинные, белые, ухоженные пальцы.

Вскоре прибежали запыхавшиеся слуги с веревками и привычными движениями скрутили обезумевшего мужчину.

Линь Цин холодно хмыкнул:

— Следите за своим вторым молодым господином. Ему повезло, что он столкнулся с нами — другой бы на месте разрубил его на куски.

— Прошу прощения, господин стражник! Мы заслуживаем наказания, — кланяясь, забормотал управляющий.

— Это будет зависеть от решения госпожи.

Управляющий в ужасе рухнул на колени и трижды ударился лбом о землю:

— Не знал, что едет супруга князя, умоляю о милосердии! Наш второй молодой господин лишился рассудка и невольно оскорбил вас. Проявите великодушие, не судите безумца строго.

Из-за занавески раздался спокойный голос Цзо Хунцю:

— Довольно. Впредь следите за ним лучше.

Управляющий с облегчением выдохнул:

— Благодарю вас, госпожа.

Безумца, крепко связанного веревками, под руки уволокли с улицы. Из-за сильного холода и снега на улице было немногочленно, поэтому большой суматохи удалось избежать.

— Кто это? — спросила Цзо Хунцю.

Линь Цин ответил с почтением:

— Его отец — наш сосед. Безумца зовут Е Юнсы, второй сын в семье. Три года назад он сдал экзамены на звание цзюйжэня, но на дворцовом экзамене с ним случилась беда: его скрутила невыносимая боль, и он не сдержался прямо перед троном, наполнив весь зал смрадом. Император пришел в ярость и лишил его звания за оскорбление достоинства. А ведь с его талантами он вполне мог войти в тройку лучших. Вернувшись домой, он тронулся умом и теперь целыми днями кричит, что его подставили, и требует аудиенции у императора.

— Бедный человек, — вздохнула Цзо Хунцю.

— И не говорите. Если бы наш князь не наказывал не обижать его, я бы, боюсь, в прошлый раз не сдержался и прикончил его.

— А чем занимается их семья?

— Они купцы. Старик ведет крупные дела в регионе Цзяннань, а в столице купили дом, чтобы сын мог спокойно готовиться к экзаменам. Кто же знал, что десять лет упорной учебы обернутся таким крахом.

Цзо Хунцю смотрела вслед уходящим людям из семьи Е.

— Купцы? Неудивительно, что с ними такое приключилось. Ученые, земледельцы,

ремесленники, торговцы... В глазах знати купцы, вероятно, мало чем отличаются от кур, несущих яйца.

— Поехали, не будем терять время, — Цзо Хунцю опустила занавеску, явно потеряв интерес к чужим бедам.

Карета двинулась дальше. Спустя полчаса она остановилась, и Линь Цин постучал в дверцу:

— Госпожа, мы прибыли в Зал Сотни Трав.

Цзо Хунцю с помощью Цзы Хань вышла из кареты. Зал Сотни Трав — крупнейшая аптека столицы — возвышался на оживленной улице. Несмотря на холод, людей было много, а чистый снег давно превратился в грязную кашу. Цзы Хань скривилась, стараясь встать на сухое место, чтобы не испачкать платье.

Цзо Хунцю не придавала этому значения:

— Раз уж мы здесь, давай зайдем.

Над старинными воротами висела вывеска с размашистой надписью: Зал Сотни Трав. Внутри было многолюдно.

Линь Цин пояснил:

— Эта аптека не только продает лекарства, здесь работают лекари, и бедняки, которые не могут позволить себе визит врача на дом, приходят за помощью сюда.

Цзо Хунцю кивнула, собираясь позвать приказчика, но в этот момент у входа послышался шум. Несколько мужчин внесли носилки с человеком, связанным веревками, и закричали:

— Лекарь, спасайте, спасайте!

Человек на носилках лежал с неестественно повернутой головой, и если бы не веревки, он давно бы свалился. Поскольку дело было срочным, двое приказчиков сразу подвели их к лекарю.

Старик с длинной бородой нахмурился, пощупал пульс и резко сказал:

— Человек уже мертв, зачем вы притащили его сюда?

Пришедшая с ними женщина рухнула на пол и зарыдала:

— Муж мой умер, зачем мне теперь жить!

Вокруг собралась толпа. Мужчина, судя по всему, родственник больного, умолял лекаря:

— Прошу вас, взгляните еще раз! Он единственный кормилец в семье, детям всего по два-три года, как им жить дальше?

Старик с длинной бородой вздохнул и снова пощупал пульс. Помолчав, он произнес:

— Пульса нет, дыхания нет, тело окоченело. В таком состоянии даже бессмертный не поможет. Готовьтесь к похоронам.

Мужчина, не желая сдаваться, бросился к другим лекарям:

— Умоляю, спасите его!

Те качали головами. Старика звали Лу Тайхун, он был одним из четырех великих врачей столицы и многие годы принимал пациентов в этом зале. Если даже Старец Лу говорил, что надежды нет, значит, человек уже одной ногой был в царстве мертвых.

Видя это, парни, с трудом дотащившие больного до аптеки, приуныли. Мужчина помог плачущей женщине подняться:

— Пойдем, мы сделали все, что могли.

Женщина рыдала навзрыд:

— Муж мой, это все моя вина, не стоило мне с тобой ссориться...

Цзо Хунцю, наблюдавшая за ними со стороны, сделала шаг вперед и преградила им путь:

— Погодите, возможно, его еще можно спасти.

Все замерли, глядя на изящную женщину в белом. Мужчина подозрительно оглядел Цзо Хунцю. По её причёске было видно, что она замужняя дама, а рядом была служанка — вероятно, жена кого-то из знатных господ. Он с горечью произнес:

— Госпожа, даже великий лекарь сказал, что надежды нет. Прошу, пропустите нас.

Женщина не поднимала глаз, даже не глядя на Цзо Хунцю. В те времена женщина-врач была

чем-то немислимым: считалось, что добродетель женщины — в её невежестве, и уж тем более они не могли разбираться в сложных медицинских трактатах.

Если бы не благородный вид Цзо Хунцю, её бы наверняка подняли на смех.

Линь Цин, знавший о том, что княгиня мастерски владеет медициной и что даже безнадежный недуг Хуай-вана поддался её лечению, без колебаний встал перед ними:

— Раз вам сказали остановиться, значит, стойте! Меньше слов!

Увидев крепкого стражника с оружием, люди присмирели. Цзы Хань, не зная о талантах госпожи, потянула её за рукав:

— Госпожа, давайте их отпустим. Вы... если не умеете лечить, не стоит говорить такие вещи, будут неприятности.

К тому времени толпа вокруг уже стала плотной, люди начали шептаться.

Видя, что людей становится все больше, Цзо Хунцю невозмутимо указала на окоченевшего мужчину:

— Вы хотите спасти ему жизнь или нет?

Мужчина с изможденным лицом ответил:

— Но ведь лекарь Лу сказал, что он мертв. Госпожа... вы уверены?

— Раз уж вы все равно собрались хоронить его, дайте мне шанс. Если не получится — я дам вам два лян серебра на погребение. Как вам такое?

Услышав это, мужчина мгновенно согласился:

— Слушаемся вас, госпожа.

Два лян серебра были для него немалыми деньгами, которые разом решали все проблемы с похоронами. Жена перестала плакать и с изумлением уставилась на Цзо Хунцю, гадая, какие же чудеса та собирается сотворить.

Цзо Хунцю присела на корточки и пощупала пульс — как и говорил Старец Лу, жизни не было. Однако она заметила, что одежда на мужчине была влажной, но не пахла потом.

— Он тонул?

Мужчина поспешно ответил:

— Верно, госпожа. Они с женой поссорились из-за пустяка, и он в сердцах бросился в ручей. Мы услышали крики женщины, вытащили его, он уже был таким. Мы переодели его и помчались сюда, но...

Цзо Хунцю разжала ему губы — челюсти были крепко сжаты, а конечности ледяными. Хотя нельзя было на сто процентов утверждать, что это трупное оцепенение, другого выбора не было.

Она встала:

— В другое место везти поздно. Будем лечить прямо здесь.

Вокруг уже собралась огромная толпа, люди начали громко обсуждать происходящее.

— Что за женщина? Совсем стыд потеряла, врачевание — дело мужское, лезет, куда не просят, — ворчала женщина средних лет с корзиной.

— И то верно, не видел я еще, чтобы бабы лечили, — вторила ей другая.

— Старец Лу — светило медицины, — добавил прохожий. — Если даже он сказал, что помочь нельзя, значит, нельзя. А эта девица лишь болтает. Наверняка из другой аптеки, пришла нам палки в колеса вставлять.

— Верно-верно, совсем молодая, а решила бросить вызов мастеру с сорокалетним стажем. Глупость какая.

Слухи росли, как снежный ком.

Старец Лу, увидев толпу у дверей, послал ученика разведать обстановку. Тот вернулся в ярости:

— Там какая-то женщина заявила, что может вылечить того бедолагу! Это же прямое оскорбление нашей аптеки!

В те времена лечебницы и школы боевых искусств дорожили своей репутацией. Раз Старец Лу сказал, что случай безнадежный, а тут какая-то девица утверждает обратное — это было высшей степенью наглости. Он был в ярости: такие «лекари» лишь давали ложную надежду

убитым горем семьям.

— Пойдемте, посмотрим, — сказал Лу Тайхун, заложив руки за спину.

Ученики растолкали толпу:

— Пропустите, идет Старец Лу!

Люди расступились.

— Вот теперь эта девица узнает, где раки зимуют! — оживились зеваки.

Лу Тайхун посмотрел на Цзо Хунцю:

— Госпожа, на чем основана ваша уверенность?

Цзо Хунцю с легкой улыбкой ответила:

— Лекарь Лу, человек лишь кажется мертвым, но в нем теплится искра жизни. Как врачи, разве мы не должны сделать всё возможное, чтобы попытаться его спасти?

Лу Тайхун покачал головой:

— Я практикую десятки лет, и не мне не знать основ. У него застой крови, циркуляция нарушена, дух не может сопротивляться злым энергиям, ян-пульс ослаблен, инь-пульс напряжен. Наступил шок, человек без сознания и близок к смерти.

— Диагноз верный, Старец Лу, вы невероятно проницательны, — отозвалась Цзо Хунцю.

<http://bllate.org/book/21872/2270678>